

ОТ РЕДАКЦИИ

НЕ ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО: ДИНАМИКА СОСЕДСТВА, ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ

Существует вполне естественный соблазн построить тематический номер, посвященный проблеме соседства в имперском контексте, в логике знаменитых “Соседей” Яна Гросса,¹ т.е. сфокусировать его на потенциально чреватой конфликтом ситуации проживания по соседству с Иным в гетерогенной имперской политике. Работая над этим номером, мы сознательно стремились не поддаваться этому соблазну, поскольку нашей целью являлось рассмотреть множество отношений разнообразия и инаковости, избегая изначально заданных интерпретаций Иного как друга или врага. Ведь в какой-то момент общей истории Иной – это просто нейтральный “сосед”. На вопрос, “когда национализм начинает ненавидеть” (название другой известной работы из истории Польши²), можно дать обескураживающе простой ответ: в тот момент, когда он начинает слепо любить. Обратной стороной сильных чувств к членам своего воображаемого сообщества является растущая ненависть к столь же сконструированным гомогенным сообществам врагов: “притеснителей”, “эксплуататоров”, “оккупантов”, разного рода идеологических и политических оппонентов. Есть ситуации, когда единственным спосо-

---

¹ Jan T. Gross. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton, NJ, 2001.

² Brian Porter. *When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland*. Oxford, 2000.

бом доказать чью-либо принадлежность к “своим” оказывается участие в уничтожении “иных” и позиция нейтрального соседа становится уже структурно невозможной.

Исследователи постколониальности относительно недавно начали пересматривать жесткую дихотомию между колонизаторами и колонируемыми, усложняя таким образом наше понимание исторических империй. Соответственно, обогащаются и усложняются представления историков о взаимодействии групп населения в империях. Проявлением этого стал, на наш взгляд, интерес ко все еще недостаточно осмысленной категории “соседа” и ее динамическим отношениям с категориями “друга” или “врага”. Например, историки давно задавались вопросом о том, почему континентальные империи Старого мира оказывались менее эффективными в деле уничтожения местного населения, чем колонии-поселения европейских наций. Согласно Доминику Ливену, “демократический белый национализм в европейских поселенческих колониях обычно превосходил аристократические и бюрократические империи в уничтожении местных народов”.³ Очевидно, что “аристократические и бюрократические империи” вовсе не были более “гуманными”, чем национальные сообщества. Можно предположить, что распространенное в них сложное и многоуровневое определение группности затрудняло согласованное применение ненависти: действительно, сложно ненавидеть сразу всех татар, мусульман, евреев или старообрядцев, если границы между этими категориями населения размыты или даже плавно перетекают в границы совершенно иных категорий населения. Многие из упомянутых выше потенциальных “врагов империи” входили в имперскую элиту или числились на государственной службе. Отношение к ним могло радикально меняться в зависимости от их территориального пребывания, как это происходило со старообрядцами, сосланными на Кавказ, или с евреями, переселявшимися в Среднюю Азию или в Харбин. Кроме того, континентальные империи не знали официальной имперской политики безусловной “любви” к какой-либо социальной группе, и, соответственно, интенсивность социального отторжения здесь также была несколько ниже. Таким образом, в имперской ситуации ниша для нейтральной категории соседа оказывается достаточно широкой.

Мы открываем этот номер переводом главы из известного исследования Ричарда Уайта *Срединность: индейцы, империи и республики*

³ Dominic Lieven. Empire. Russian Empire and Its Rivals From the 16th Century to the Present. London, 2003.

в районе Великих Озер, 1650–1815 (1991). Концепция “срединности” (*middle ground*), впервые разработанная Уайтом в этой книге, была далее развита им в статье 2006 года, которую мы также публикуем в русском переводе. Обладающая огромным объясняющим потенциалом, эта концепция остается слабо востребованной специалистами по российской имперской истории. Отчасти этот факт объясняется предрассудками некоторых структуралистски мыслящих историков, как американистов, так и русистов, считающих, что концепция *срединности* может прилагаться лишь к явно пограничным (фронтирным) ситуациям, на территориях, оспариваемых по крайней мере двумя империями. Будет лишь небольшим преувеличением добавить, что в условия “приложимости” *срединности* к тому или иному историческому контексту эти историки включают и наличие больших озер, предпочтительно – Великих Озер.⁴ Уайт же элегантно сформулировал собственное отношение к проблеме применимости своей концепции:

Итак, считаю ли я, что “срединность” как процесс воспроизводим в других условиях и в другое время? Да, я так считаю. Будет ли каждый идентифицированный исследователями случай “срединности” таким же, как в стране Великих Озер? Нет, но иногда ученые могут в это верить. Я довольно детально перечислил элементы, необходимые для того, чтобы такое пространство появилось: приблизительный баланс сил, взаимная нужда или желание обладать тем, чем владеет другой, и неспособность каждой из сторон силой принудить другую к изменению. Насилие и жестокость вполне сочетались с процессом создания и поддержания “срединности”, но основным его элементом оставалось посредничество.⁵

Нам кажется, что для историков Российской империи *срединность* может быть полезна не потому, что Уайт описывал лесистый край в зоне фронта, вполне напоминающий Сибирь или Кавказ. Интерес представляет реконструированный им когнитивный процесс, определяемый характерной констелляцией власти-знания. В имперской ситуации, когда разные ветви государственной власти обладают определенной

⁴ См. скептическую оценку возможности заимствования концепции Уайта: Philip J. Deloria. What Is the Middle Ground, Anyway? // The William and Mary Quarterly. 2006. Vol. LXIII. No. 1. 15-23. Некоторые специалисты по истории России придерживаются еще более радикальных взглядов.

⁵ Richard White. Creative Misunderstandings and New Understandings // The William and Mary Quarterly. 2006. Vol. LXIII. No. 1. P. 9.

автономией и, соответственно, никто не обладает монополией на безусловную поддержку правительства, взаимодействие с Иным часто происходит в *ситуации срединности*. Как пояснял Уайт:

я пытался описать процесс, начало которому дала “воля тех, кто... [стремился] оправдать собственные действия в терминах культурных ценностей своих партнеров – как они их воспринимали со стороны”. Эти акторы искали культурные “точки конгруэнтности, воображаемые или реальные”, которые “часто казались, да и действительно были результатом неверного понимания и случайностей”. Получавшиеся трактовки порой казались просто смехотворными, но это неважно. “Любое совпадение, даже эфемерное, могло начать работать, оно оказывалось способно зажить своей жизнью при условии, что его принимали обе стороны”. Таким образом, ситуация “срединности” – это процесс взаимного и творческого неверного понимания.⁶

Ричард Уайт предложил комплексную модель имперской ситуации соседства, которая работает, например, для Казани – имперского “хартленда”, где русские и татары были включены в интенсивный процесс взаимного и творческого неверного понимания.⁷ Русские и татары (православные и мусульмане) не были ни “друзьями”, ни “врагами”: имперские власти даже не пытались экспериментировать с идеологией “дружбы народов”, при этом, правда, тщательно избегая возможной русско-татарской конфронтации. Русские и татары были соседями, и их каждодневные отношения на межгрупповом и индивидуальном уровнях формировались в *ситуации срединности*.

В исторической рубрике журнала мы публикуем три статьи, в которых рассматривается функционирование православия на окраинах империи, где понятия соседства и инаковости кажутся очевидными и заданными. Видимо, неслучайно очевидность и неочевидность этих понятий в нашем номере проиллюстрированы с помощью конфессиональной истории. Как показали последние работы в этой области, конфессия была хотя и не единственным, но очень важным маркером принадлежности и исключения в империи. Если мы серьезно принимаем предположение Роберта Круза, согласно которому Российская

империя была, помимо прочего, конфессиональным государством,⁸ становится очевидным, что ее функционирование можно понять через изучение доминировавшей в ней конфессии.

Статья Людмилы Посоховой посвящена феномену православных коллегий, возникших на землях нынешней Украины в Чернигове, Харькове и Переяславе в первой трети XVIII века. Автор тщательно реконструирует изменения в их программах, показывая, как первоначальная модель католического университета трансформировалась под влиянием заимствований из образовательного репертуара немецких протестантских университетов. Таким образом, несмотря на официальную антикатолическую и чуть менее выраженную антипротестантскую риторику, российское православное образование развивалось в диалоге с другими христианскими традициями (ни друзьями, ни врагами), или, по крайней мере, с их образом, созданным православными просветителями. В реконструируемой Посоховой динамике конфессионального острашения протестантское влияние оказывается менее угрожающим в силу сложных отношений протестантизма и католицизма. Протестанты превращались из “врагов” в “соседей”. Нужно отметить, что в этой роли протестантизм оставался фактором и позднейшей истории православной церкви, более расположенной к диалогу с лютеранами (с которыми православие, как предполагалось, разделяло не только антикатолические сантименты, но и другие специфические интересы и интерпретации).

Антон Рыбаков публикует статью по истории инкорпорирования Грузинской церкви в иерархию Русской православной церкви в начале XIX века. Его исследование являет собой замечательный пример многоуровневости и многофакторности интерпретации принадлежности: хотя Грузинская православная церковь была единоверческой, логика имперского административного универсализма и ощущение превосходства развития России по сравнению с Грузией сделало невозможным сохранение независимого статуса Грузинской церкви. Тем не менее и здесь ситуация творческого взаимного непонимания породила ситуацию *срединности*: российские имперские церковные функционеры неверно интерпретировали знаки бедности Грузинской церкви, в то время как грузинские иерархи часто ошибочно оценивали

⁶ Он использовал цитаты из: Richard White. *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815*. Cambridge, 1991. Pp. 52–53.

⁷ Как показал Роберт Гераси, не использовавший модель срединности, тем не менее описывавший именно такой тип межгруппового диалога: Robert Geraci. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London, 2001.

⁸ Robert Crews. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA, 2006; idem. *Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia* // *American Historical Review*. 2003. Vol. 108. No. 1. Pp. 50–83.

намерения петербургских властей. Типичным для *ситуаций срединности* было и то, что последствия имперской политики часто оказывались неожиданными. Именно к числу таких последствий следует отнести воздействие, которое оказало инкорпорирование Грузинской церкви на развитие грузинского национального движения.

В статье, рассматривающей миссионерскую деятельность Иннокентия Вениаминова, Илья Винковецкий обращается к другому аспекту деятельности российской православной церкви: ее сложным отношениям с Российской Американской Компанией на Аляске и миссионерской деятельности среди местного населения. Подобно сюжетам, описанным в предыдущих статьях, этот сюжет нельзя безусловно идентифицировать как случай *срединности*, однако мы явно обнаруживаем здесь когнитивные механизмы *срединности*: взаимные проекции миссионеров и местного населения, миссионеров и представителей компании или петербургских чиновников. Во всех случаях, когда неравенство вовлеченных сторон не может описываться в категориях безусловного доминирования, мы вынуждены привлекать модель соседства, если не партнерства.

Материалы исторической рубрики продолжает статья Александры Петуховой, рассматривающая трансформации, произошедшие за последние десять лет существования Российской империи, когда публичный имидж финна как соседа был вытеснен образом финна как врага. “Финский вопрос” рассматривается в статье как влиятельный и истинно массовый дискурс, выявляющий механизмы политического, национального и социального острашения бывшего соседа. Несмотря на то, что имперский центр не обладал полным контролем над Финляндией, растущее взаимное отчуждение стало результатом разрушения элементов *срединности*, на смену которым пришли дискурсы доминирования и национального соревнования.

Автор следующей статьи, Юкико Хама, выявляет диалектическое свойство “соседа” как категории, равно приложимой к ситуациям конфликта и сотрудничества. Она рассказывает историю основателя японских российских и советских исследований, Сабуро Шимано, карьера которого совпала с периодами войн, конфронтаций, кооперации и даже союзнических отношений между Японией и Россией в XX веке. Взгляды Шимано соединяли симпатию и враждебность по отношению к России. Его идеология паназиатизма развивалась под влиянием российского евразийства и в оппозиции к нему. Иными словами, этот случай иллюстрирует типичный для *срединности* когнитивный про-

цесс: если переводить на простой язык элегантные формулы Уайта, когда невозможно игнорировать Иного и нельзя от него избавиться, все, что остается, – это осмыслить его в понятных для себя категориях.

Статьи в рубрике “Социология, антропология и политология” анализируют ситуацию соседства в нескольких контекстах. Филипп Казула обращается к отношениям России и США после Холодной войны (главным образом, в 1990-е годы). Он демонстрирует внутреннюю связь между внешней политикой и внутривластными проблемами и показывает, как обе страны справлялись с проблемой исчезновения безусловного Иного как конституирующего внешнего фактора национальной идентичности.

Этнографическое исследование Софи Роше, посвященное анализу дружбы в пережившем гражданскую войну современном Таджикистане, представляет дружеские сети как важное основание социального порядка, связующее звено между традиционными отношениями родства и формальными социальными и государственными институтами. В многоэтническом таджикском обществе социальные практики дружбы помогают интегрировать “соседей” в граждан.

Наконец, Сами Зегнани и Александра Филон представили статью о французских пригородах, которые в нынешней Франции маркируются как “этнические” и опасные. Статья анализирует значение и социальные функции “этничности” в языке тех, кто приписывает ее своим соседям, а также тех, кто воспринимает этот язык для демаркации границ собственной группы – вне зависимости от ее реальной этнической гетерогенности.

В разделе “Новейшие мифологии” Сергей Соколовский рассматривает отношения между концепцией индигенности в политиках идентичности и в более “респектабельных” сферах, таких, например, как биомедицинские науки. Он выявляет параллели между биологией инвазивных пород и энвайронменталистским (экологическим) мышлением, с одной стороны, и дискурсом социокультурного нативизма и ксенофобией – с другой. На примере энвайронменталистских исследований флоры и фауны Гавайских островов Соколовский показывает, как многие постулаты биологии инвазивных пород основываются на шатких представлениях об индигенности/аборигенности, заимствованных из культурных и социальных теорий. Эта статья напоминает нам еще об одном аспекте соседства: для живущих рядом всякие претензии на территориальную монополию на “земли предков” ошибочны и саморазрушительны. И если очень немногие растения или породы

животных еще могут быть признаны “индигенными” в данной среде обитания (на нескольких островах), человеческие коллективы в принципе не подлежат подобной оценке.

Для живущих рядом просто оставаться хорошими соседями само по себе является крайне нелегкой задачей. Возможно, для ее облегчения стоило бы отказаться от следования заповеди “возлюби ближнего своего” (“соседа своего”) – чтобы не возникало и симметричное желание ненавидеть.

Редакция Ab Imperio:

И. Герасимов
С. Глебов
А. Каплуновский
М. Могильнер
А. Семенов